

Исход: 125 лет еврейской эмиграции из России.

17 Декабрь 2006

Иван Толстой

Иван Толстой: Почему в конце 19 века начался массовый отъезд российских евреев? Почему многие, тем не менее, возвращались? Какова доля евреев среди всей массы послереволюционной эмиграции? Как удалось прорваться через железный и прочие занавесы в брежневскую эпоху? Кто и почему эмигрирует сегодня?

Исход. Этой теме была посвящена трехдневная конференция, прошедшая на прошлой неделе в Москве под эгидой Международного исследовательского центра российского и восточноевропейского еврейства. С докладами выступили такие известные исследователи, как Джонатан Френкель из Иерусалима. Джон Клир из Лондона, Брайан Хоровиц из Нового Орлеана, Верена Дорн из Геттингена, Михаил Бейзер из Тель-Авива, Геннадий Костырченко из Москвы, Михаил Крутиков из Анн-Арбора и другие. Руководил конференцией Глава Центра доктор исторических наук Олег Будницкий.

С ним мы и начнем наш разговор. Каковы основные причины исхода 125-летней давности?

Олег Будницкий: Основных причин, собственно, две. Одна – это прямая угроза жизни, безопасности и имуществу. Я имею в виду еврейские погромы, которых российское еврейство пережило несколько волн. Одна - это волна 1881-1884 годов на юге России. После нее начинается очень заметная массовая эмиграция. Она наблюдалась и раньше, но с 1881-го

– особенно наглядно. Поэтому это и выбрали начальным рубежом нашей конференции. Вторая погромная волна - это 1905-1906 годы, которой предшествовал печально знаменитый кишиневский погром 1903 года, потрясший весь мир и до сих пор наиболее известный в мире погром. Хотя число жертв, по сравнению с будущими чудовищными кровопусканиями, было совсем не велико – около 50-ти человек. По тем временам, это было совершенно чудовищно, тем более, что это было среди полной тишины и безмолвия. Никаких войн и конфликтов не было. Третья волна - это уже в эпоху гражданской войны, когда были самые чудовищные еврейские погромы. По разным оценкам, от 50-ти до 300 тысяч человек было убито, умерло от ран, и я уже не говорю о десятках тысяч изнасилованных, о трехстах тысячах сирот, оставшихся после этого, об уничтожении имущества. В общем и целом, эти погромы эпохи гражданской войны затронули, в той или иной степени, около миллиона человек еврейского населения. Напрямую или косвенно. И не случайно та часть еврейства, которая осталась в советской России, так эффективно стала поддерживать советскую власть. Это была единственная реальная сила, которая с погромами боролась.

Вторая причина эмиграции и более долгоиграющая, и более, я бы сказал, в большей степени повлиявшая на еврейские массы, - это, конечно, нищета. Ибо, с одной стороны, была еврейская элита, еврейские промышленники и торговцы, которые составляли в начале века, по оценкам известного экономиста Михаила Бернадского, третью часть торгового класса России. Это и основатели банкирских домов Гинзбурги, и знаменитые железнодорожные предприниматели

Поляковы, и другие, чьи имена на слуху, например, сахарозаводчики Бродские.

С другой стороны, масса еврейского населения, скученного в черте еврейской оседлости. Там на душу населения приходилось гораздо больше ремесленников или мелких торговцев, чем в великорусских губерниях. Это создавало жесточайшую конкуренцию, люди лишались работы, заработки падали и нищета выталкивала людей за границу.

Чтобы представить себе масштабы еврейской дореволюционной еврейской эмиграции, она была гораздо выше, чем эмиграция из Советского Союза, – уехало, в общей сложности, около двух миллионов человек. Если быть точным – миллион девятьсот восемьдесят тысяч. Львиная доля уехала в США – около полутора миллионов. Так вот, что это были за люди, приезжавшие за границу? По тому, кто приезжал, мы можем понять, кто уезжал и почему. Среди приехавших на рубеже 19-20 веков в США евреев свыше половины – 52,5% - составляли люди без определенных занятий. Знаменитые «люди воздуха», изображенные Шолом-Алейхемом и другими еврейскими писателями, люди без определенных занятий, околачивающиеся на рыночной площади в поисках какого-то случайного заработка. А, скажем, в период с 1899 по 1907 год, среди иммигрантов, имевших профессию, рабочие и ремесленники составляли 63%, прислуга – 25%, люди свободных профессий и торговцы – по одному проценту. По этим данным можно составить представление о том, почему и как евреи выталкивались из пределов Российской Империи, и почему они в поисках счастья и лучшей доли отправлялись в другие страны. Когда они попали в ту страну, где ограничений

не было, то они резко сменили род деятельности в массе своей. Если первое поколение эмигрантов еще с трудом выбивалось в люди, хотя многие выбились, то уже последующие вошли в элиту американского общества. Я говорю о самой многочисленной еврейской иммиграции - то есть въехавших в США, - и до сих пор мы знаем, что еврейская американская община самая большая в мире, и что евреев в Америке больше, чем в Израиле. Именно евреи стояли у истоков американской киноиндустрии, именно они основали дешевые кинотеатры «Никель Одеон» в Нью-Йорке. И когда конкуренты христианские, под разными предлогами, протащили местные законы, которые ограничивали такого рода деятельность, они двинулись туда, где этих законов не было, – в Калифорнию. Так возник Голливуд. И вдовы отцов-основателей Голливуда, у которых брали интервью в более поздние времена, все говорили с сильнейшим идишским акцентом. И если бы в России не было этих ограничений то, возможно, Голливуд был бы где-нибудь под Петербургом или в Сочи, а не в Калифорнии.

Иван Толстой: Как же воспринимали прибывавших российских евреев в той стране, что стала символом прибежища, - в Америке? Доцент кафедры мировой политики Российского Государственного Гуманитарного Университета американист Викторія Журавлева занимается именно этим вопросом.

Викторія Журавлева: Когда началась массовая эмиграция в 80-е годы из восточной Европы и, прежде всего, из Российской Империи, в представлениях американцев о еврейских эмигрантах произошли серьезные изменения. Если

брать предыдущую волну, то это для них были выходцы из среднего класса, городских слоев. И когда поехало восточно-европейское еврейство конца 19-го века, то менялось представление о социальном статусе и, вообще, о том, кто же такой еврей. Кроме того, случилось так, что восточно-европейские евреи оказались в составе так называемой «новой эмиграции», которая отличалась от предыдущего тевтонского потока, приехавшего в США до 80-х годов. Она отличалась тем, что затруднялась возможность социальной и языковой адаптации, ехали представители национальных меньшинств и, кроме того, они стремились оседать в изолированных кварталах крупных городов атлантического побережья, создавая там трущобы, создавая там изолированные сообщества.

В связи с наплывом массовой эмиграции, три самые крупные этнические группы, в составе этой эмиграции, были итальянцы, славяне и евреи, а американское общество оказалась перед фактом, сумеет ли оно ассимилировать эти эмигрантские потоки, сумеет ли оно адаптировать эти эмигрантские этнические культуры, и каковы, вообще, перспективы этого процесса ассимиляции. И в связи с этим евреи, как иммигранты, оказались в центре внимания тех, кто выступал за защиту «новой эмиграции» или против нее. И когда эта дискуссия началась, а она очень активно шла в американском обществе на рубеже 19-20 веков, еврейские эмигранты оказались очень показательной группой в составе «новой эмиграции». Это несколько парадоксальная ситуация, но те, кто выступал против эмиграции считали еврейских эмигрантов худшими из худших. Те, кто выступал в защиту

«новой эмиграции», считали еврейских эмигрантов лучшими из лучших. То есть, они оказались в центре внимания и рестрикционистов – тех, кто выступал за ужесточение эмиграционного законодательства - и тех, кто отстаивал либеральные идеи в иммиграционной политике. И в связи с этим стала очень важна та ассимиляционная парадигма, которая получит название «плавильный котел». Как известно, сама идея амальгамации, то есть интеграции различных культур, их переплавления и возникновения новой культуры, качественно отличной от составляющих, давно существовала в американской интеллектуальной мысли, она присутствовала на страницах американской периодики, но очень актуализировалась эта проблема в связи с массовой иммиграцией рубежа 19-20 веков. А противостояла ей идея англоконформизма.

То есть, получилось, что в восприятии этой новой иммиграции, вообще, и еврейской иммиграции как ее части, начинают выкристаллизовываться две ассимиляционных парадигмы. Одна – то, что истинный американец - это белый англосакс-протестант. Соответственно, новая иммиграция является угрозой, и дело не в том, как произойдет процесс адаптации, а в том, что сама адаптация вредна, она как бы наносит удар расовому ядру, генетическому ядру американской нации.

И другая теория - это «плавильный котел» - о том, что из многих должно возникнуть единое, что эти культуры должны интегрироваться, переплавиться и, в результате, возникнет та самая американская культура. И вот в приложении к этим сюжетам, в приложении к восприятию новой эмиграции эти

теории и отрабатывались. Потому что именно представители еврейской общины, деятели того самого движения Settlement House Movement, которое отстаивало либеральные ценности в отношении эмигрантов, несмотря на то, что, в конечном итоге, они должны были влиться в единую американскую культуру, но признавалась ценности той культуры этнической, носителями которой они были. И американцы, сторонники либерального законодательства, и представители немецко-американской еврейской общины старой и восточно-европейской общины, этих трех миров взаимодействующих, хотя сначала это взаимодействие достаточно сложно выстраивалось, они включились в борьбу против, так называемого, «теста на грамотность», который активно отстаивали рестрикционисты в этот период. И так случилось, что с этого периода, когда начала создаваться самая влиятельная еврейская община США, евреи были в центре внимания американского общества.

Иван Толстой: Многие эмигранты конца 10- начала XX века не только уезжали, но, как ни странно, возвращались в Россию обратно. Об этом явлении рассказывает петербургский историк Виктор Кельнер. Его дед разделил как раз такую участь.

Виктор Кельнер: Конечно, в первую очередь, следует говорить о тех немногочисленных случаях, когда люди возвращались навсегда. Не возвращались, чтобы продемонстрировать оставшимся родственникам свои успехи, а таких случаев очень много, когда возвращались, чтобы продемонстрировать перстни на пальцах, пестрый жилет и ноготь на мизинце, а возвращались, чтобы жить уже вновь в

России. Пример моих предков, он может быть, не совсем типичный, потому что мой дедушка, уехав из России в период революции 1905-1907 года, уехав сюда с семьей - с женой и со старшим сыном - родив в Америке еще двух детей, он не только себя не нашел в Нью-Йорке, но и в силу своего социального темперамента, он время забастовки на строительстве, произошло столкновение с группой штрейкбрехеров и, в результате, погиб кто-то из штрейкбрехеров, и он вынужден был бежать обратно в Россию. Это, наверное, не типичный случай.

Были люди, которые возвращались после марта 17-го года для того, чтобы принять участие в социальных изменениях в России. И это не эмигранты, которые уезжали в силу политических причин, а были люди, которые уже долго жили в Америке, скажем, и были там достаточно уже успешны, но посчитали для себя необходимым вернуться, чтобы принять участие в этих социальных потрясениях на своей старой родине.

Известно, что тот же самый Абрам Каган, который был редактором крупнейших еврейских газет в Америке, он в 18-м году был в Петрограде и был членом Петросовета. Потом вновь уехал. Таких случаев было достаточно много.

Никто не вел статистику, сколько из уехавших в начале 20-го века потом вернулись и остались. Известно очень хорошо, что были целые группы, которые уехали в Израиль, социалистически настроенных, которые создавали такие социалистические киббуцы и, в конце 20-х начале 30-х годов, вернулись обратно. Хорошо известна их судьба. Почти все они

затем были репрессированы, погибли, их колхозы были уничтожены, которые они в Крыму создавали.

Но нельзя сказать, какое количество возвращалось. Конечно, был некий процент людей, которые не устраивались в Америке. Всегда, в любом народе, в любой волне эмиграции есть люди, для которых важнее дорога, которые не могут устроиться нигде. Я думаю, что, может быть, и мой дедушка относится к такой категории. Но, уже единожды приехав обратно в Россию в 20-е годы, в конце 20-х, может, он бы и желал вернуться в Америку, но уже не мог, все возможности уже закрылись. Мы же знаем людей, которые уезжали в Израиль, и которые вернулись обратно, которые не могут устроиться. Это такой социальный тип. Он присутствует в любом народе, в любой волне эмиграции. Некоторые не могут устроиться нигде. Недовольны всегда и везде.

Иван Толстой: Может быть, самым необычным местом для еврейского поселения кому-то покажется Китай. Тем не менее, в начале XX века Маньчжурию называли Дальневосточным Сионом. Надежда Аблова – профессор Белорусского Государственного Экономического Университета – специализируется на этой теме.

Надежда Аблова: Евреи появились в Китае в конце 19-го века, в последние годы, после начала строительства в 1897 году Китайской Восточной Железной Дороги - КВЖД. Еврейская община в Манчжурии просуществовала до 1963 года. Когда, после продажи КВЖД советским правительством КНР, дорога стала внутренней китайской дорогой, вышла из совместного советско-китайского управления и российская

эмиграция ушла из Китая в конце 50-х – начале 60-х годов. Также ушла из Китая еврейская эмиграция, как составная часть этой послеоктябрьской российской эмиграции.

Иван Толстой: Что основное сделали евреи в Китае? Были ли они объединены или они были ассимилированы, каковы их основные достижения и какие самые главные фигуры, которые полагается культурному человеку знать?

Надежда Аблова: Евреи сделали очень много, прежде всего, для экономического освоения края. Самая харбинская еврейская духовная община существовала с 1903 года по 1963-й, она существовала компактно, никакой ассимиляции евреев среди китайского населения не было. Прежде всего, еврейские предприимчивые люди создавали свои предприятия на пустынной маньчжурской территории, где никакой экономики не было. Толчком экономическому развитию края стало строительство и функционирование КВЖД. На дороге вырос ее известный центр, китайский город Харбин, где концентрировались, в основном, еврейские капиталы и, в общем, вклад в экономику КВЖД, в экономику Харбина, в экономику всего восточного Китая очень значительный. Известны фамилии таких крупнейших еврейских предпринимателей, как Тигрицкий, братья Кабалкины, известный банкир предприниматель Каспе. Очень видной фигурой еврейства на Дальнем Востоке был глава дальневосточного еврейства, глава харбинской еврейской духовной общины доктор Кауфман. Он очень активно занимался политической деятельностью, был одним из главных представителей сионизма на Дальнем Востоке. Он был одним из главных руководителей всей общественно-

политической жизни страны, возглавлял ряд комитетов помощи советской России во время голода в Поволжье. Также был издателем и бессменным редактором, на протяжении 25 лет, журнала и газеты «Еврейская жизнь» - главного периодического органа, освещавшего жизнь еврейства Дальнего Востока на протяжении 25 лет.

Иван Толстой: За прошедшие 40 с лишним лет, после того, как еврейская община в Манчжурии распалась, остались ли какие-то следы ее материальной культуры?

Надежда Аблова: Да, бесспорно. Дело в том, что в самом Харбине сохранилось здание еврейской синагоги. В Харбине было две синагоги – старая и новая. Вот эта новая синагога сохранилась в прекрасном состоянии. Она была до конца 90-х годов полицейским управлением Харбина. Но сейчас там китайские власти Харбина сделали выставку - музей еврейской культуры. Также сохранилось в прекрасном состоянии еврейское кладбище, которое было из предела города, в конце 50-х годов, вынесено за пределы Харбина. Но рядом находилось русское кладбище, которое тоже было вынесено из центра города. И, к сожалению, надо констатировать, что русское кладбище находится в очень плачевном состоянии. Полуразрушенное, ухаживать за могилами некому. А еврейское кладбище сохранилось прекрасно, за ним идет постоянный уход, все памятники в порядке. Это объясняется тем, что потомки евреев Харбина, эмигрировавших в Израиль, причисляют денежные суммы властям Харбина, и те поддерживают кладбище в очень хорошем состоянии.

Иван Толстой: Олег Будницкий – автор недавней книги «Российские евреи между красными и белыми». Что представляла собой еврейская эмиграция в послереволюционные годы?

Олег Будницкий: Если в 1880 году в России проживало больше половины всех евреев мира, то сейчас, по последней в переписи, евреи не удостоились даже отдельной статьи и приходят под «и др.». То есть, евреев в России, по официальным данным, чуть больше 200 тысяч человек, и это, конечно, уже ничтожно малая величина по сравнению с тем, что было.

Одна из волн еврейской эмиграции была после революции. В обыденном сознании, да и в публицистике считается, что больше всего выиграли от установления советской власти евреи. Здесь есть доля истины, и я об этом пишу и в своей книге тоже. Евреи получили колоссальные возможности, впервые они получили возможность занимать реально высокие посты на госслужбе, получили доступ к образованию, хлынули десятками тысяч в университеты и в другие высшие учебные заведения, резко поменялся социальный статус. Это продолжалось в 20-е и 30-е годы, а потом ситуация резко изменилась.

Но часть евреев была вынуждена уехать за границу. И среди первой волны русской эмиграции второй по численности после православных этно-конфессиональная группа были евреи. Причем, это была еврейская элита - юристы, предпринимателями.

Приведу такие данные. Был Союз русских юристов. Примерно процентов восемьдесят из них составляли евреи. Вообще, если мы говорим о русской эмиграции в Берлине, Берлин был для евреев более привлекателен ввиду некоторой близости языка. Зная идиш, легче было перейти на немецкий, к тому же, многие получали образование за границей, в том числе, в немецких университетах. Так вот, в 1925 году в Берлине было примерно 250 тысяч русских эмигрантов, из них 63 тысячи были евреи. Часть из них, конечно, была не из собственно России, а из бывшей части Российской Империи – русской Польши, - но, тем не менее, восточные евреи составляли четверть русской эмиграции.

Евреи были не только в Берлине, а в Париже и других центрах. Причем играли виднейшую роль в интеллектуальной и культурной жизни русской эмиграции. Я позволю себе процитировать Надежду Александровну Тэффи: «Иду ночью по Монпарнасу. Вдруг, из какого-то кафе гуськом, один за другим выходят евреи средних лет. Спрашиваю спутника: «Кто это, что за люди?». «А это, - говорит, - Союз молодых русских поэтов»». И это была святая истина. Среди поэтов Парижской Ноты была весьма немало людей еврейского происхождения, но русской культуры.

И, разумеется, последнее, но может быть, самое важное, именно русские евреи составили основу тех, кто создавал государство Израиль. Именно из России началась эмиграция в Эрец Израиль, и первая алия, с 1882 по 1903 год, составляла, для выехавших из России, около 25 тысяч человек. И, далее, до 23-го года, еще уехало около 75 тысяч человек из России в Палестину. И мы знаем, что отцы-основатели и дочери-

основателей, я имею в виду Голду Мейер, и первый премьер-министр Давид Бен Гурион, и первый президент Хаим Вайсман, это были выходцы из России. Впрочем, как и второй президент Бен Цви, это были все так называемые русские евреи.

Иван Толстой: Среди многообразных случаев и разновидностей эмиграции был и случай знаменитого историка, пушкиниста и мыслителя Михаила Осиповича Гершензона, который, в начале 20-х годов, недоуехал в Германию. Рассказывает профессор московского университета Николай Богомолов.

Николай Богомолов: В докладе я говорил, что он уезжал практически параллельно с «философским пароходом». Ехал в Германию в сентябре 22 года, как раз, когда все это происходило. И, безусловно, для него было достаточно большой и серьезной проблемой, что выбрать - Россию или Германию. При том, что он прекрасно говорил по-немецки, его могли бы окружать многочисленные друзья. Ему было достаточно легко печататься. Тем не менее, он, все-таки сначала выбрал изгнание, практически не появляясь в Берлине жил в санатории в Баденвейлере, и потом вернулся, все-таки, в советскую Россию. Как мне кажется, это было предметом вполне осознанного выбора, пребывание в Германии, пребывание в уединении, в таком своеобразном заключении и изгнании давало ему возможность осмыслить то, что сейчас происходит в Европе, насколько он мог получить доступ ко всем этим материалам, что, в общем, было достаточно легко. Взгляд на происходящее в послевоенной Европе и серьезное размышление в уединении

и то, что, в конце концов, он, все-таки, решил вернуться в советскую Россию, как мне кажется, свидетельствовало о том, что состояние не только эмиграции русской, но и вообще состояние этой послевоенной новой Европы его не удовлетворяло. Ему казалось, что, все-таки, в России есть некоторая правда, которой здесь нет.

Иван Толстой: И это ощущение некоторой правды было для него сильнее тех опасений, о которых он, безусловно, должен был быть осведомлен, читая современную, тем более, эмигрантскую злобную вполне печать.

Николай Богомолов: Думаю, что да. Он и сам пережил самые тяжелые годы. Он жил в Москве, все прекрасно понимал и видел. И, тем не менее, в нем реализовалось то, что было, в конце концов, у достаточно большого количества людей, в том числе, и людей культуры. Кто-то прозревал раньше или позже. Гершензон, до самого своего конца, пребывал, как мне кажется, в этом утопическом заблуждении, что Россия еще имеет какие-то перспективы для развития и с той властью, которая стоит у руля.

Иван Толстой: Эмиграция послевоенная. Ее этапы и причины.

Олег Будницкий: Что касается эмиграции из Советского Союза. Мы знаем о том повороте, который произошел отчасти в военные, отчасти в послевоенные годы, повороте в сторону политики государственного антисемитизма. Некоторые это относят к более раннему, довоенному периоду. Я не отношусь к этим людям, хотя там были некоторые признаки, но вряд ли об этом можно всерьез говорить. Поворот произошел, отчасти, в военные, в

особенности, в послевоенные годы, и пик пришелся на конец 40-х – начало 50-х годов. Это борьба с космополитами, дело Еврейского Антифашистского Комитета уничтоженного, дело врачей и прочие антисемитские эксцессы. Естественно, что эта политика выталкивала людей из Советского Союза. И с 1946 года до распада СССР из страны выехало около миллиона евреев. Самый пик пришелся, конечно, уже на поздние перестроечные годы 89-й, 90-й, 91-й, но мы знаем, что относительно массовый выезд, когда уже исчислялось не какими-то единицами и десятками, а десятками тысяч (тридцать тысяч в год), это в начале 70-х годов. После шестидневной войны 1967 года, которая способствовала росту самосознания советского еврейства...

Ведь в 30-е годы довольно активно шел процесс ассимиляции. Из местечек сотни тысяч евреев двинулись в крупные города, они входили в русскую жизнь, они отдавали детей в русские школы, о возврате к еврейской культуре и речи не было. Колоссальное влияние оказал Холокост. Когда эти местечки были уничтожены, когда были уничтожены родители, когда были уничтожены родственники, когда советским евреям напомнили, что они евреи. Это было очень существенным моментом. И не случайно, когда приехала в Москву посол государства Израиль Голда Мейер, то ее приветствовать пришли тысячи евреев, что было, кстати говоря, толчком к усилению антисемитской политики советского руководства. Война 67-го года способствовала, в значительной степени, подъему самосознания советского еврейства и усилению эмиграционных настроений. Тем более, что к этому времени уже многие люди ощущали очень

давно и существенно это давление и ограничения негласные, но существующие, и хотели уехать, если не ради себя, то ради своих детей. Благодаря и давлению изнутри – движению за эмиграцию, еврейскому национальному движению - но, прежде всего, благодаря давлению извне со стороны стран запада, дверца была приоткрыта и началась более или менее массовая еврейская эмиграция 70-х – начала 80-х годов. Потом, с концом разрядки, запрещенная и прекращенная.

Иван Толстой: Доктор филологических наук Леонид Кацис - известный специалист по иудаике. Чем московская конференция привлекла его внимание?

Леонид Кацис: Мне интересна динамика того, что происходит за последние 10 лет в развитии, вообще, в изучении русско-еврейских проблем. Первая проблема - это, безусловно, становление науки, которой у нас просто не было. Это постоянное повышение, с одной стороны, уровня того, что происходит. А с другой стороны, то, что я не знаю, насколько это понятно радиослушателям, но это работы, которые раньше делались, в основном, специалистами в любой области. Которые, почему-то, решались коснуться евреев, и которые начинались с фразы «Я этим, конечно, не занимаюсь, но мне тут попало...», сегодня становятся систематическими.

Во-первых, это самое важное. Некоторые культурные моменты, довольно серьезные, которые сейчас переживает местная верхушка российской интеллигенции. Я имею в виду тот аспект, который меня, отчасти, касается, отчасти, является предметом научного интереса. Имеется в виду следующий

момент. Всегда в русской культуре считалось, что национальность и бэкграунд к культуре отношения не имеют. Если человек пишет по-русски, то он абсолютно русский писатель. Если человек рисует и выставляется на русских художественных выставках – ну и хорошо. Выявление того слоя, который может быть принципиально непонятен людям, не имевшим дело с еврейским миром, вызывает очень острую реакцию. Она переходит от отрицания существования, в частности, мне пришлось с этим столкнуться после выхода моей книги, которая называлась «Осип Мандельштам: Мускус иудейства». Специальная книга, где был выделен именно этот аспект. С другой стороны, это попытки отрицания довольно грубого антисемитизма у очень крупных деятелей русской культуры. Здесь идет затираание с двух сторон.

Подобные конференции позволяют специалистам, опять же, далеко не только по иудаике, обсуждать эти вопросы открыто, что очень важно. Ни то, ни другое не является травмой именно русской культуры. Наоборот, русская культура и в том, и в другом аспекте, становится европейской. Может быть, мировой. Я не готов сейчас это обсуждать, потому что американская и австралийская ситуации очень специфичны. Но если говорить о европейской, то ничего нет страшного в том, чтобы обсудить для Кафки, Цвейга, Фейхтвангера и кого-нибудь еще, этот, сугубо еврейский, аспект. И даже Холокост не мешает в Германии это обсуждать. А вот в России, из-за интернационализма, так называемого, может, из-за травмы развала Союза, все это вызывало очень острую реакцию и вызывает по сей день. Поэтому для меня эти конференции, в числе прочего - наблюдения за всем этим.

Вот здесь я хотел показать одну довольно забавную вещь. То, как еврейская биография откровенного еврейского художника Шагала, который это никогда не скрывал, позволит понять его панно, которое называется «Введение в новый еврейский театр», которое висит в Третьяковке, никаких с ним нет проблем, но оно имеет и очень глубокий иудейский слой и очень глубокий слой, связанный именно в еврейском аспектом биографии Шагала. Но здесь тоже интересный момент. На замечательной книжке, которая вышла в Америке то ли в 2003 то ли в 2004 году Бенджамина Харшава, которая называется «Марк Шагал. Документальная биография», специально построенная на еврейской биографии. И даже в Америке приходится восстанавливать и идишзмы, и какие-то очень специальные вещи, связанные с еврейскими коммунистическими организациями - левыми, правыми, художественными, - которые совершенно стираются, если мы будем говорить, что это русский, белорусский или французский художник. Не хочу обидеть белорусский народ, который очень долго отказывался считать его своим.

Для меня здесь самое важное - как происходит изменение отношения к этой теме, и как она перестает быть просто темой образа еврея или семитофилия, или антисемитизм. Это некий единый культурный процесс и без него невозможно понять то самое серьезное, что происходит сегодня. Я имею в виду, к примеру, без учета того, что я сейчас говорил, невозможно понять Фридриха Горинштейна. Недаром видна такая растерянность в литературоведении перед ним. Поэтому, мне кажется, что постепенное восстановление этого слоя представляет существенный интерес.

И второй момент, который интересует меня, - это пересмотр категориальной базы, с которой работают исследователи русско-еврейской культуры. Потому что, чаще всего, она продолжает произведения Жаботинского и развитая в работах Шимона Маркеша, который лет тридцать представлял собой, почти в единственном лице, всю эту науку, - это литература, написанная евреем, человеком с еврейской судьбой, обращенной к евреям. Очень широкое определение, и в каждом из них у нас будет очень широкий разбег. И чтобы избавиться от каких-то вкусовых вещей, приходится показывать то, как в научном описании применять такие специальные вещи. Мы обычно говорим «одесская литература», «южно-русская школа», в то время как в сборнике предыдущей конференции я как раз написал статью о Бабеле, Ильфе и Петрове и Багрицком как представителях портовой еврейской литературы. Литература, которая писалась в портах, многоязычных, связанных с населением окружающим, очень не похожа на литературу, которая писалась на идише, которая поэтизировала местечко, или которая писалась в Москве и Петербурге. Для евреев это принципиально. Потому что именно сионизм Одессы, именно одесско-ивритская литература в форме Бялика или сионизма в форме Жаботинского, оказались наиболее жизнеспособными, чем культурные реализации в Москве и Петербурге. Здесь и происходит сочетание, с одной стороны, выявление громадной роли таких фигур, как Жаботинский, не только в очевидных случаях для Бабеля и других одесситов, но и, например, для Пастернака. Потому что до недавних пор не изучался одесский период его творчества. И, между прочим, если каждый год достаточно часто ездить к дедушке

и бабушке, вести переписку, из нового собрания сочинений Пастернака мы это видим. И сразу новый момент, который на этой конференции не обсуждается, но который, в частности, меня интересует чисто научно, о чем будет статья в ближайшем выпуске «Вестника еврейского университета», это открыто пропагандируемый разрыв с еврейством, вплоть до употребления, по отношению к себе, слов антисемитизм. Что, по отношению к Пастернаку, интеллигенция боялась употреблять. Теперь, после выхода этого достаточно полного 11-ти томного собрания сочинений, это становится возможным. Поэтому здесь еще и идет процесс обретения этого нового материала.

Иван Толстой: В 60-е – 70-е годы в лондонскую студию Радио Свобода возглавлял Виктор Франк - сын знаменитого религиозного философа. Виктор Семенович вел регулярную программу «По сути дела», в которой обращался к самым актуальными темам и анализировал главнейшие культурно-политические события: присуждение Пастернаку Нобелевской премии, споры между литературными журналами, полет человек на Луну. В 71-м году одним из самых актуальных вопросов был вопрос эмиграции евреев из СССР. К нему Виктор Франк обращался не раз. В нашем архиве сохранилась запись 7 декабря 1971 года.

Виктор Франк: Недавно в Москве появилось самиздатовская брошюра, подписанная псевдонимом «А. Иванов», и озаглавленная «Свобода и еврейский вопрос в России». Не могу удержаться, чтобы не привести несколько цитат из этой статьи. «Разве есть связь между еврейским вопросом и свободой в России?» - спрашивает автор брошюры. Он

отвечает: «Да, есть, и самая непосредственная. Свобода не появляется вообще, разом для всех, она – плод развития, результат истории. Свобода начинается с прецедентов свободы, для кого-то и в чем-то. Необходимо, чтобы эти прецеденты становились все многочисленнее, чтобы понятие свободы, вкус к ней, желание ее проникали все глубже в сознание людей».

Несколько выше тот же автор пишет: «В Декларации прав человека, разработанной Организацией Объединенных Наций, как известно, прямо указывается, что свободный выбор страны для жительства является неотъемлемым правом человека. Правда, в нашей стране этот документ имеет по преимуществу нелегальное хождение. Характерно высказывание по этому поводу одного надзирателя мордовского лагеря: «Дураки, ведь это же для негров декларация». Но, думается, что правом на свободу должны располагать не только негры, но также и евреи, но также и мы, русские».

Еще одна цитата из той же брошюры. «Нужно отчетливое осознание того, что еврейский вопрос, именно вследствие своей конкретности, является вопросом номер один в современной борьбе за свободу и справедливость в нашей стране. Успешное разрешение еврейского вопроса в нашей стране, признание за евреями права выезда в Израиль даст толчок к осознанию права человека на самого себя, явится беспрецедентной для нас победой здравого смысла над узколобостью и шовинизмом. На основе такой победы станет возможным и разрешение многих других вопросов, развитие свободы и сознание наших людей».

Я привел несколько цитат из самиздатовской брошюры, так как убежден, что это не глас вопиющего в пустыне, что много других людей в стране, не носящих в себе ни капли еврейской крови, разделяют мнение автора брошюры. Конечно, у евреев есть свои, узко национальные цели (скажем, выезд в Израиль), которые присущи только им одним. Но дело не в этом. Дело в том, что советские граждане еврейской национальности выдвигают в своей борьбе требования, которые в видоизмененной форме могли бы быть выдвинуты любой другой группой советских граждан. Поэтому их борьба – борьба общая. Их поражение – поражение общее. Их победы - победы общие. Поэтому-то и следит вся страна за тем, как развивается это беспрецедентное дело.

У замечательного английского поэта 17 века Джона Донна есть такое изречение: «Ни один человек не представляет из себя острова. Все мы образуем совместно один материк. Поэтому, когда звучит похоронный колокол, не спрашивай, по ком он бьет – он бьет по тебе».

А я, от себя уже, добавлю: не только похоронный колокол, но и бранная труба, но и победный марш звучат, в данном случае, не только для одних евреев, но и для всех нас.

Иван Толстой: И в завершение нашей программы разговор о сегодняшней эмиграции. Мария Еленевская живет в Иерусалиме и изучает российских эмигрантов самой последней волны.

Мария Елиневская: Работаем мы вместе с моей коллегой из Хайфского университета доктором Ларисой Фиалковой. Она киевлянка, и по профессии она литературовед. Я же по

профессии преподаватель английского языка и всегда занималась теорией текстов, поэтикой. В Израиле мы встретились на конференции и обе мы заинтересовались темой культуры русскоязычных эмигрантов 1990-х. И так началась наша совместная работа. Мы написали много статей и книгу, в общем, даже две книги, на материалах личных рассказов эмигрантов. Мы опрашиваем простых людей, которых мы встречаем на улице, просим знакомых дать нам познакомиться с людьми, которые думают о себе, о своей истории, о истории вот этой волны эмиграции и готовы поразмышлять на эту тему. Так что мы опрашиваем простых людей.

Иван Толстой: Каков же диапазон ответов на этот главный вопрос: почему люди продолжают уезжать?

Мария Еленевская: Продолжают уезжать люди, наверное, потому, что не нашли себя в России или на постсоветском пространстве. Человеку свойственно искать то, чего он не может найти в стране, где он родился, вырос. Эмигрант – человек, который всегда ищет лучшей жизни. В надежде на лучшую жизнь люди и уезжают. А что такое лучшая жизнь – представление у всех разное. Не все уезжают потому, что они евреи и хотят жить с еврейским народом. Но, оказывается, что даже люди тесно связанные с Россией, с русской культурой, когда приезжают в Израиль они вдруг вспоминают какие-то странные, по их старым представлениям, обычаи и традиции, которые они наблюдали у своих бабушек и дедушек. И, вдруг, когда они окружены еврейской традицией, в Израиле, значение этих традиций начинает до них доходить. И, поэтому, вот этот сплав очень интересный мы видим в

Израиле, когда пересекается традиция предков, начинает осознаваться как часть своей традиции и, в то же время, люди не хотят забывать то, на чем они выросли – русскую, русско-советскую культуру.

Иван Толстой: Кого больше, каких людей, вопрос совершенно не социологический, не количественный, а просто качественный, кого больше – людей, которые не удовлетворены переменами, которые произошли у них с переездом, или тех, кто продолжает находиться в поиске?

Мария Еленевская: Трудно ответить на этот вопрос потому, что ответ на это зависит и от того периода, который переживает страна. Как все знают, сейчас Израиль переживает очередной трудный виток после второй волны вливания, когда люди осознают то, что произошло как тяжелый момент, когда Израиль должен встряхнуться и как-то пересмотреть позиции на общество, на армию, на самих себя. С другой стороны, наверное, это еще зависит от того, как складывается каждая личная судьба. Но, я думаю, что очень многие чувствуют, что Израиль стал частью их жизни, их судьбы и готовы переживать с ним и хорошие, и трудные времена.